

ствует сама физичность, процессуальность. Чтобы привести все эти элементы в движение, Платону как бы не хватает понятия, способного вместить указанные элементы в себя в качестве самим собой произведенных состояний и обладающего в придачу искомой первичностью. (Кстати, роль такого начала с успехом могло бы сыграть понятие духа, для которого сила является существеннейшей характеристикой.) Без такого понятия процесс созидания физического мира весьма напоминает зеноновское изображение движения в виде суммы моментов покоя.

И тем не менее платоновское учение о пространстве, невзирая на некоторые недостатки, чрезвычайно глубоко. Огромная заслуга Платона состояла уже хотя бы в том, чтобы эти элементы наметить и проанализировать. Однако без понятия первичной силы эти элементы так и остались в виде заготовок.

Н. Н. СТАДНИК

ОСОБЕННОСТИ КОСМОГОНИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ В УЧЕНИИ ПЛАТОНА

В познании природы античными философами можно с достаточной долей условности выделить три этапа. Каждый из них характеризуется своим пониманием бытийного статуса природы, связанным с определенным соотношением религиозно-мифологического, философского и научного компонентов в познавательной деятельности.

Природа на самом раннем этапе древнегреческой философии предстает как нечто, еще не вычлененное из общей бытийной связи. Такое понимание природы обусловлено единством религиозно-мифологических, философских и научных представлений.

Второй этап характеризуется четким различием между указанными компонентами античного знания, их отделением друг от друга и осознанием значимости каждого из них. Между религиозно-мифологическими представлениями, философскими идеями и элементами собственно научного знания теперь устанавливается связь иного рода, которой свойствен не синкретизм, не отношения нерасчлененного единства, а отношения соподчинения, определенной иерархии.

Основные черты этого периода и представлены в учении Платона. В его философии конкретные явления, чувственная реальность (есть что-то вроде ее цели). Здесь есть также и числа, регламентирующие количественную сторону силового выражения. Нет здесь лишь первичного силового начала.

© Н. Н. Стадник, 2002

предстают как бледные копии мира идей. Материя рассматривается как не-сущее. Мир божественный и мир природный воспринимаются как отдельные по своему бытию. Природа — лишь отражение божественного мира идей. Эти воззрения Платона выражают, по сути, и его философию природы, которая есть не что иное, как изложение в религиозно-метафизической форме знаний о мире явлений. Поэтому они целиком и полностью подчинены общей религиозно-метафизической схеме и интерпретируются в соответствии с ее принципами. Так, в астрономии и космологии Платон опирался на учения пифагорейцев. Об этом он сам говорил в своих диалогах.

Диалог «Тимей», в котором обсуждаются проблемы космологии, после небольшой вступительной беседы превращается в монолог известного пифагорейца Тимея, философа и общественного деятеля, современника Эмпедокла, Зенона, Анаксагора и Филолая. Видимо, в «Тимее» изложена та часть пифагорейского учения о космосе, которую признавал Платон и которая стала частью его собственных взглядов. Философ пишет: «Тело [космоса] было сотворено гладким, повсюду равномерным, одинаково распространенным во все стороны от центра, целостным, совершенным и составленным из совершенных тел» (Тимей, 34a–b). Совершенным же телом для Платона был шар, а совершенной фигурой — круг. Космос Платона, так же, как и космос пифагорейцев, являет собой иерархически упорядоченное бытие сущностей, организованное согласно принципам математической гармонии. Ряд чисел отражает гармоническую структуру сфер: Луна — 1, Солнце — 2, Венера — 3, Меркурий — 4, Марс — 9, Юпитер — 8, Сатурн — 27, концентрически расположенных вокруг Земли как центра.

В космологии Платона, как и у пифагорейцев, огромное значение имеют понятия гармонии и прекрасного, в основе которых лежит мера. Только в соответствии с мерой созданный космос может быть благим, прекрасным и гармоничным. Основанием же гармонии является математика; она предстает как принцип, который лежит в основе мира, оформляя его. Поэтому и астрономия строится у Платона как математическая наука. Для того чтобы подготовить природы, способные усвоить астрономические знания, следует предварительно обучить их науке о самих числах, «но не о тех, что имеют предметное выражение, а вообще о зарождении [понятий] „чет“ и „нечет“ и о том значении, которое они имеют по отношению к природе вещей. Кто это усвоил, тот может перейти к тому, что носит весьма смешное имя геометрии» (Законы, 10, 990 c–d). Людям дано созерцать божественную природу зримых вещей, но без указанных наук это сделать невозможно.

Таким образом, космос Платона сферичен, строится на основе принципов математической гармонии и постигается в рамках мате-

матики. Этим и исчерпывается общее в учениях Платона и пифагорейцев.

Организация мира по принципам математической гармонии подчинена у Платона иной системе представлений. Не математическое видение мира лежит в основе его мировоззрения, а, выражаясь современным языком, экзистенциально-трагическое переживание времени, преходящего, текучести бытия. Это лучше всех понял Аристотель. В «Метафизике» он указывает, что в основе платоновского учения об идеях лежало гераклитовское учение об изменчивости чувственных вещей и стремлении найти противовес этому вечно изменяющемуся потоку. Таким противовесом и явился мир вечно пребывающих идей, которые единственно могли стать предметом истинного знания. Аристотель пишет о том, что к учению об идеях «пришли те, кто был убежден в истинности взглядов Гераклита, согласно которым все чувственно воспринимаемое постоянно течет. Так что если есть знание и разумение чего-то, то помимо чувственно воспринимаемого должны существовать и другие сущности, постоянно пребывающие, ибо об изменчивом знании не бывает» (Аристотель. Метафизика, 1078b 9–17). Поэтому Платон отказывается от идеи пифагорейцев об однородном космосе, четко разделяя две качественно различные области: небо — область божественного, единого, вечного и неизменного бытия, и земля — область преходящего, изменчивого и иного.

Небо и его кругообращение, имеющие божественное происхождение, созданы для того, чтобы дать людям наглядное представление о вечности. Когда демиург усмотрел, что порожденное им движется и живет, он решил еще более уподобить творение образцу и устроить небо: «замыслил сотворить некое движущее подобие вечности» и создал «для вечности, пребывающей в едином, вечный же образ, движущийся от числа к числу, который мы назвали временем» (Тимей, 37d). Таким образом, вечность является основным атрибутом божественного и проявляется в цикличности, в вечном и единообразном повторении движений светил и предстает людям как время.

Солнце, Луна и пять других светил, именуемых планетами, размещены на семи орбитах и созданы для того, чтобы «определить и блюсти числа времени» (Тимей, 38c). «Таким образом, по таким причинам возникли день и ночь, этот круговорот единого наиразумнейшего обращения; месяц же [появляется] тогда, когда Луна, завершив свой оборот, нагоняет Солнце, а год — когда Солнце обходит свой круг. Именно так и ради этого рождены все звезды, которые блуждают по небу и снова возвращаются на свои пути, дабы [космос] как можно более уподобился совершенному и умопостигаемому живому существу, подражал его вечно сущей природе» (39c–d).

В 10-й книге «Законов» Платон пишет: доказательством того, что боги существуют, является Земля, Солнце, звезды, вся вообще вселенная, весь этот «порядок времен, подразделение на годы и месяцы» (Законы, 10, 886a).

Из божественности космоса, которая проявляется в вечности и цикличности его кругообращений, в вечном и единообразном повторении, следует, что все светила могут двигаться только равномерно, кругообразно и в одном и том же направлении. «Телу из семи родов движений он уделил соответствующий род, а именно тот, который ближе всего к уму и разумению. Поэтому он заставил его единообразно вращаться в одном и том же месте и в самом себе, совершая круг за кругом» (Тимей, 34a). Кроме того, в движении космоса «наблюдается стройный порядок, так как над светилами и прочими телами господствует все упорядочивающий ум» (Законы, 10, 996e). Поэтому, говорит Платон, «мнение о блуждании Луны, Солнца и остальных звезд не правильно. Дело обстоит как раз наоборот, каждое из этих светил сохраняет один и тот же путь; оно совершает не много круговых движений, но лишь одно. Это только кажется, что оно движется во многих направлениях. Ведь бегуны — только люди», а здесь «речь идет о богах» (там же, 822a). В этом отрывке текстуально зафиксирована аксиома как философский постулат, не имеющий прямого отношения к реально наблюдаемым движениям. Как поясняет Ю. Миттельштрасс, «то, что планеты движутся равномерно, до Евдокса не мог утверждать никто, так как это утверждение полностью противоречит наблюдениям. Платон выводит эту аксиому еще до открытия Евдокса и убежден в ее правомерности, но для Платона она — метафизический постулат и правомерна только в рамках его поднебесной астрономии. Платон никогда не выражал мысль, что явления соответствуют этой аксиоме»¹.

Платон не рассматривал принцип спасения явлений в такой форме, как это представляет П. Дюгем. У него присутствуют лишь две составляющие этого принципа — аксиома равномерного кругового движения и идея различения являющегося и истинного движения. Что же касается задачи «воспроизвести видимость» (видимое движение), то она очевидно противоречит философии Платона². Задача «воспроизвести видимость», воссоединить явление и сущность, не могла быть поставлена Платоном. Для него мир явлений — это мир не-сущего, неистинного бытия, — мир множественности, необходимости, лишенности разума. Явление вообще мало интересует Платона, явление —

¹ *Mittelstrass J.* Die Rettung der Ohanome. Ursprung und Geschichte eines antiken Forschungsprinzips. Berlin, 1962. S. 155.

² *Duhem P.* Le système de doctrines cosmologiques de Platon à Copernic. Paris, 1954. Vol. 1. P. 104.

это временность, страдание, т. е. не-сущее. И человек, который стремится к достижению блаженства, должен избавляться от этой множественности, от явлений. он должен видеть Бога в космосе.

Во всех своих диалогах Платон оставался прежде всего философом, а его астрономическая теория представляет собой побочный продукт его религиозно-метафизической космологии. Астрономия Платона, построенная строго математически, не является, тем не менее, наукой в современном или даже в аристотелевском смысле слова. Платоновская астрономия— это путь постижения божества и носит характер божественной педагогики. И с этой точки зрения, задачей астронома является увидеть за внешними нерегулярностями движения планет их божественную, вечно сущую природу.

Об этом Платон пишет в «Государстве»: «Я . . . не могу считать, что взирать ввысь нашу душу заставляет какая-либо иная наука, кроме той, что изучает бытие и незримое. Глядит ли кто, разинув рот, вверх. Или же, прищурившись, вниз, когда пытается с помощью ощущений что-либо распознать, — все равно, утверждаю я, он никогда этого не постигает. Эти узоры на небе, украшающие область видимого, надо признать самыми прекрасными и совершенными из подобного рода вещей. Но все же они сильно уступают вещам истинным с их перемещениями друг относительно друга, происходящими с подлинной быстротой и медлительностью, в истинном количестве и всевозможных истинных формах, причем перемещается все содержимое. Это постигается разумом и рассудком, но не зрением. Небесным узором надо пользоваться как пособием для изучения подлинного бытия, подобно тому, как если бы нам подвернулись чертежи Дедала или какого-нибудь иного мастера либо художника, отлично и старательно вычерченные. Кто сведущ в геометрии, тот, взглянув на них, нашел бы прекрасным их выполнение, но было бы смешно их всерьез рассматривать как источник истинного познания равенства, удвоения или каких-либо других отношений. Мы будем изучать астрономию так же, как и геометрию, с применением общих положений, а то, что на небе, оставим в стороне, когда мы хотим действительно освоить астрономию» (Государство, 529–530с).

В космологии Платона в текстуально зафиксированном виде мы находим также концепцию сфер, которая присутствует во всей математической астрономии, начиная с Анаксимандра. Платон считал, что движения планет являются результатом вращения материальных тел, заключенных друг в друге, «как валы веретена Ананке». «Устройство вала следующее: . . . в большой полый вал вставлен пригнанный к нему такой же вал, только поменьше, как вставляются ящики. Таким же образом и третий вал, и четвертый, и еще четыре. Всех валов

восемь, они вложены один в другой, их края сверху имеют вид кругов на общей оси, так что снаружи они как бы образуют непрерывную поверхность единого вала, ось же эта прогнана насквозь через середину восьмого вала» (там же, 616d–e).

Таким образом, Платон не ставил задачу воссоединения явления и сущности, спасения явлений. Задача воспроизведения видимости в качестве философски обоснованного методологического требования не могла возникнуть до Аристотеля, у которого мир явлений впервые становится областью сущего. Влияние платоновской мысли на дальнейшее развитие математической астрономии, было, скорее всего, непродуктивным, поскольку его астрономические взгляды зависели от его метафизических представлений, в рамках которых явления и чувственный мир вообще не имели значения. Позицию Платона в астрономии можно рассматривать как отход от рубежей, достигнутых пифагорейцами, которые пытались воссоединить явления и сущность, спасти явления через аксиому равномерно кругового движения. Платон наметил концепцию гомоцентрических сфер, получившую дальнейшее развитие у Евдокса, Калиппа и Аристотеля. Она также означала отклонение от путей развития математической астрономии.

Представление Платона о космосе, состоящем из одной или нескольких сфер, являлось устойчивым и постоянно воспроизводимым элементом греческой астрономии. У Платона оно представлено в мифологической форме в диалогах «Государство» и «Тимей». Однако, несмотря на форму изложения, эта концепция приобретает у него более четкий, жесткий и качественно иной характер, чем у его предшественников. Космос — это созданный по определенному проекту механизм, в котором число сфер жестко соответствует числу планет. Земля располагается в центре мира. Эта гомоцентрическая концепция означала зарождение в греческой астрономии физической теории, отличной от математических и натурфилософских построений. Вершиной этого развития явилось учение Аристотеля, неоплатоническая триадология и тринитарное учение в раннем христианстве.

В. Г. РОХМИСТРОВ

УЧЕНИЕ ПАРМЕНИДА

Ты узнаешь «непогрешимое сердце легко убеждающей истины», — говорит Пармениду богиня Ананке (Необходимость), увлекая его на путь, запредельный для человека. И открывает ему начало: «Бытие

© В. Г. Рохмистров, 2002